

ЛОЖЬ, БОМЖ И ПРАВОСУДИЕ

Александра Деленив

Ложь, бомж и правосудие

<https://litres.ru/74166274>

SelfPub; 2026

Аннотация

Адвокат по назначению Вера Аверина получает дело, которое все считают формальностью: посмертная реабилитация бездомного, обвинённого в убийстве известного бизнесмена. Подзащитный мёртв, улики неопровержимы, система торжествует. Но сестра погибшего передаёт Вере старый телефон с предсмертным видео, и формальность превращается в бомбу. Теперь Вера — единственная, кто стоит между всесильным прокурором и правдой, которая может разрушить всё. Но правда не хочет, чтобы её находили. И те, кто её прячет, готовы убивать.

Александра Деленив

Ложь, бомж и правосудие

Глава 1. Дело, которого нет.

Вера ненавидела этот запах.

Запах казённых чернил, дешёвого освежителя воздуха и застарелой пыли, вьёвшейся в деревянные скамьи ещё при прошлой власти. Зал судебного участка № 47 был мал и убог, как и дела, которые здесь рассматривали. Кража трёх шоколадок. Кража двух банок тушёнки. Кража буханки хлеба. Сегодня — кража банки чёрной икры. Осетровой. Стоимостью четыре тысячи восемьсот рублей. Дело, которое не укладывалось в привычный убогий шаблон.

— Уважаемый суд, — Вера поднялась, поправила пиджак, который давно требовал химчистки, — мой подзащитный Павел Сотников совершил правонарушение, предусмотренное частью первой статьи 158 Уголовного кодекса. Формально. Фактически же прошу учесть мотив. Он взял банку чёрной икры не для перепродажи. Не из корысти. А ради своей матери.

Судья Мельникова, грузная женщина с усталым лицом и причёской, не менявшейся со времён её комсомольской юности, посмотрела на Веру поверх очков. Потом перевела взгляд на Павла Сотникова — двадцатилетнего парня с крас-

ными от недосыпа глазами, в мятом свитере, с руками, которые он то сжимал в кулаки, то разжимал, не зная, куда их деть.

— Подсудимый, — голос судьи звучал сухо, — уточните для протокола. Вы украли банку чёрной икры стоимостью четыре тысячи восемьсот рублей. Это так?

Паша кивнул.

— Для протокола — словами, пожалуйста.

— Да, уважаемый суд. Украл.

— Зачем? — Мельникова сняла очки. — Я понимаю — хлеб. Я понимаю — тушёнка. Но чёрная икра? Вы сами-то её раньше пробовали?

— Нет, — Паша мотнул головой. — Никогда.

— И я не пробовала, — неожиданно добавила судья и, кажется, сама удивилась собственным словам. — Продолжайте, защита.

Вера набрала воздуха. Она готовила эту речь. Репетировала ночью перед зеркалом, хотя сама себе казалась смешной. Но сейчас — почему-то — ей было не всё равно.

— Уважаемый суд. Матери Павла Сотникова, Ирине Сотниковой, шестьдесят четыре года. Она всю жизнь проработала санитаркой в районной больнице. Сорок лет стажа. Мыла полы, выносила утки, ухаживала за лежачими. Зарплата — пятнадцать тысяч. Пенсия — двенадцать. Всю жизнь она слышала про чёрную икру — символ красивой жизни, деликатес, о котором говорили по телевизору, который показы-

вали в кино. Но никогда — ни разу в жизни — не пробовала. Полгода назад у неё обнаружили онкологию. Четвёртая стадия.

В зале стало тихо. Даже конвоир у двери перестал переминаться с ноги на ногу.

— В прошлую пятницу Ирине Сотниковой исполнилось шестьдесят пять, — продолжала Вера. — Врачи сказали: этот день рождения, скорее всего, последний. Павел хотел сделать матери подарок. Не просто подарок — мечту. Он хотел, чтобы она хоть раз в жизни попробовала то, о чём ей всю жизнь рассказывали, но что было недоступно. Как если бы человеку, который никогда не видел моря, подарили море. Он пошёл в супермаркет «Азбука вкуса». Денег у него не было. Он взял банку икры. Самую маленькую. И пошёл к выходу, не заплатив.

— Его поймала охрана, — сухо вставила судья.

Да. Его поймала охрана. Он не сопротивлялся. Он сразу во всём признался. И знаете, что он сказал, когда его спросили, зачем ему икра? — Вера на секунду замолчала. — Он сказал: «Мама никогда не пробовала. Я хотел, чтобы она попробовала. Хотя бы раз».

Паша опустил голову. Плечи его дрожали. Он не плакал — он просто не мог поднять глаз.

Судья Мельникова долго молчала. Потом перевела взгляд на прокурора — молодого человека с прыщавым лицом и старательно-суровым выражением, которого, кажется, само-

го тошнило от этого дела.

— Обвинение настаивает на реальном сроке? — спросила она.

Прокурор кашлянул.

— Уважаемый суд, закон един для всех. Кража есть кража. Сумма ущерба...

— Сумма ущерба — четыре тысячи восемьсот рублей. При отсутствииотягчающих. При наличии смягчающих, — перебила судья. — Садитесь, обвинитель. Я услышала достаточно.

— Моя мама... — вдруг заговорил Паша. Голос у него был глухой, надтреснутый, словно он разучился говорить нормально. — Она заплакала. Когда узнала, что меня забрали. Она не из-за болезни заплакала. Она сказала: «Дурак ты, Пашка. Я бы и без икры прожила. Мне бы только тебя увидеть». Она сейчас дома лежит. И я не знаю, увижу ли я её ещё раз.

В зале повисла такая тишина, что слышно было, как на улице ветер гонит по асфальту сухие листья.

Судья Мельникова сняла очки и медленно, очень медленно помассировала переносицу. Потом надела их снова.

— Суд, руководствуясь статьёй 61 Уголовного кодекса, признаёт в качестве смягчающих обстоятельств: совершение преступления в силу стечения тяжёлых жизненных обстоятельств, явку с повинной, раскаяние, а также мотив, кото-

рый хотя и не оправдывает деяние, но заслуживает снисхождения.

Паша поднял голову.

— Приговор: шесть месяцев исправительных работ условно. Обязать возместить ущерб супермаркету «Азбука вкуса» в размере четырёх тысяч восьмисот рублей. Подсудимый освобождается из-под стражи в зале суда. Заседание окончено.

Удар молотка. На этот раз он прозвучал не как выстрел — а как запоздалое эхо чего-то важного, что только что произошло.

— Спасибо, — прошептал Паша. По лицу его текли слёзы. — Спасибо, Вера Сергеевна. Я... я правда хотел, чтобы она попробовала. Она ведь ничего в жизни не видела, кроме больничных коридоров. Я не знал, что ещё сделать. Я не знал.

— Теперь идите, — тихо сказала Вера. — Мама ждёт.

Он кивнул, подхватил куртку и почти бегом бросился к выходу.

Вера смотрела ему вслед. В горле стоял ком. Она сглотнула его — привычным усилием воли, которым давно научилась подавлять всё лишнее, — и начала собирать бумаги в потрёпанную папку.

В коридоре она прислонилась к стене и прикрыла глаза. Из кабинета выходили люди — истцы, ответчики, адвокаты

с дорогими портфелями и уставшие юристы по назначению вроде неё. Кто-то толкнул её плечом — она даже не обернулась.

— Аверина, кофе будешь?

Перед ней стоял Игорь Князев, адвокат из «золотой лиги» — тех, кто защищает застройщиков, чиновников и жён олигархов. Они учились вместе когда-то, сто лет назад, в другой жизни. Он был в безупречном костюме цвета мокрого асфальта, от него пахло дорогим парфюмом — чем-то древесным, с нотками сандала и уверенности в завтрашнем дне. Вера автоматически одёрнула свой выдавший виды жакет, на котором сегодня утром обнаружилось пятно неясного происхождения.

— Не пью с врагами народа, — сказала она без улыбки.

— Ну брось. — Князев примирительно поднял ладони. — Я вообще-то слышал, как ты Сотникова защищала. Про чёрную икру и мечту — сильно. Прямо театр одного актёра. Тебе бы в присяжные поверенные, век девятнадцатый, Чайковский, Достоевский...

— Иди к чёрту, Игорь.

— Уже. И вернулся. — Он прислонился к стене рядом с ней. — Слушай, есть разговор. Ты в курсе про дело Воронова?

Вера повернула голову.

— Воронова?

— Георгия Воронова. Бизнесмен, меценат, больницы строил, детишкам помогал. Его пару недель назад убили в собственном доме. Громкое дело было. Ты что, новости не смотришь?

— Не смотрю.

— Ну конечно. Ты же у нас выше мирской суеты. — Князев понизил голос: — Короче, Воронова зарезали. Ограбление. Полиция сработала быстро — нашли бомжа, который в том районе ошивался. Тот при задержании оказал сопротивление и был убит. Всё, дело закрыто, преступник наказан, система торжествует. Но есть нюанс.

— Какой?

— По закону, если подозреваемый умер, а дело закрыто, нужна формальная процедура посмертной реабилитации. Чтобы всё по бумагам чисто было. А для этого нужен адвокат. Ну, знаешь, для галочки. — Князев покрутил пальцем в воздухе. — В палате тебя вспоминали. Говорят, ты как раз по таким делам специалист.

— По каким — «таким»? — Вера медленно открыла глаза. — По делам, где подзащитный уже мёртв и оправдывать некого?

— По делам, где всё уже решено, гонорар копеечный, но стаж идёт и начальство довольно. — Князев ухмыльнулся, но улыбка вышла какой-то кривой, почти сочувствующей. — Тебе же надо как-то жить, Вера. Аренда, еда, вон, жакет новый купить...

— Жакет нормальный.

— Конечно. Просто винтажный. — Он оттолкнулся от стены. — Ладно, бывай. Подумай над Вороновым. Дело плёвое. Идеальный труп для идеального адвоката.

Он ушёл, стуча каблуками по казённому линолеуму. Вера проводила его взглядом. «Идеальный труп для идеального адвоката». Красивая фраза. Циничная. Сам Князев, наверное, придумал только что и теперь будет повторять в курилке, собирая смешки коллег.

Она осталась стоять, переваривая услышанное. Воронов. Георгий Воронов. Что-то знакомое. Да, точно — в новостях мелькало. Убийство в элитном посёлке. Бомж, ограбление, поножовщина. Общество жаждало крови — и кровь получило. Быстрое расследование, показательная смерть. Никто не спрашивал, виновен ли бездомный на самом деле. Зачем? Бомж — идеальный преступник. У него нет голоса. Нет адвоката, который будет биться за правду. Есть только формальность — посмертная реабилитация, которую поручат такой же формальности в юбке, то есть ей, Вере Авериной.

И тут Вера подумала о Паше Сотникове. О его матери, которая никогда не пробовала чёрной икры. О подарке, который стал преступлением. О мечте, которая не сбылась — по крайней мере, пока.

И о том, что у мёртвого бомжа по кличке Крот, возможно, тоже была мечта. И тоже не сбылась.

Телефон завибрировал в кармане. Номер координатора

адвокатской палаты.

— Вера Сергеевна? Это Ершова. Тут к вам дело поступило. Посмертная реабилитация. Подзащитный — Семён Ильич Горелов, без определённого места жительства. Дело Воронова. Завтра в одиннадцать в палате получите материалы. Вы же не откажетесь?

— Я...

— Вот и отлично. Всего доброго.

Гудки.

Вера убрала телефон в карман и вдруг усмехнулась — невесело, криво, словно сама над собой. Семён Ильич Горелов. Без определённого места жительства. Человек, которого никто не искал. Человек, чья смерть всех устроила.

И теперь у него есть адвокат.

Вера Аверина, тридцать пять лет. Бывший следователь по особо важным. Ныне — юрист по назначению, специалист по мёртвым подзащитным и кражам деликатесов для умирающих матерей.

Домой она добиралась долго — сначала метро, потом автобус, потом пятнадцать минут пешком через дворы, где пахло шаурмой и осенней листвой. В «Пятёрочке» у дома купила хлеба, молока и — сама не зная зачем — задержалась у витрины с рыбными деликатесами. Банка чёрной икры стоила четыре тысячи шестьсот. Почти как та, украденная. Она стояла и смотрела на неё минуту, другую. Потом

пошла на кассу.

Квартира встретила её тишиной и холодом — батареи ещё не включили, а октябрь выдался промозглым. Вера сбросила туфли, прошла на кухню, не включая свет. Открыла холодильник. Полбутылки белого сухого, засохший сыр, банка оливок. Она налила вина в чашку — единственная чистая, остальные стояли в раковине уже третий день, — и села у окна. Рядом положила банку икры. Просто смотреть.

За окном горели окна соседней многоэтажки. Там жили люди. Там кто-то ужинал, кто-то смотрел телевизор, кто-то ругался, кто-то смеялся. У них была жизнь. У Веры — чашка кислого вина, дело мёртвого бомжа и банка чёрной икры, которую она не знала, зачем купила. Может, для себя. Может, для матери Паши. Может, просто чтобы доказать самой себе, что она ещё способна на бессмысленные поступки.

Она сделала глоток и вдруг вспомнила. Пять лет назад. Нет, шесть. Она — следователь по особо важным, гордость следственного комитета. Кабинет с видом на Москву-реку, погоны, уважение. Дело замминистра. Дело, которое ей не дали довести до конца. Дело, после которого её мягко, но настойчиво попросили уйти. «По собственному», — сказали тогда. «По собственному», — повторила она, подписывая заявление дрожащей рукой.

С тех пор — условные сроки за украденные мечты. С тех пор — насмешки Князева. С тех пор — чашка вина на пустой кухне.

Она допила, поставила чашку на подоконник и уже собиралась идти спать, когда телефон снова зазвонил. Незнакомый номер.

— Алло.

Молчание. Дыхание.

— Кто это?

— Вера Сергеевна? — голос женский, тихий, надтреснутый, словно женщина долго плакала, прежде чем набрать номер. — Меня зовут Елена. Я сестра Семёна. Горелова. Того самого... которого убили. Я знаю, вас назначили. Выслушайте меня, пожалуйста. Семён не убивал. Он вообще мухи не обидел. Он не мог. Понимаете?

Вера молчала, глядя на банку икры в лунном свете.

— Вас назначили для галочки, я знаю, — голос Елены задрожал, но не сорвался. — Вы посмотрите бумаги, подпишите и забудете. Так все делают. Но я вас прошу — просто посмотрите его телефон. Пожалуйста. Там есть... там есть такое, что всё перевернёт.

— Откуда у вас его телефон? — спросила Вера.

— Мне отдали. Вещи. Те, что не сожгли. Там почти ничего не было — зажигалка, обрывок верёвки, телефон. Старый, разбитый, но работает.

Пауза. Слышно было, как женщина на том конце сдерживает слёзы.

— Я приеду завтра, — сказала Вера. — В палату. Привезите телефон.

— Правда? — в голосе Елены мелькнула робкая надежда, и от этого он стал почти детским.

— Правда.

Вера сбросила звонок и долго сидела в темноте. Потом налила ещё вина — на доньшке. Посмотрела на чашку, на банку икры, на своё отражение в тёмном окне — усталую женщину с потухшими глазами. Усмехнулась чему-то своему и вылила вино в раковину.

Икру она убрала в холодильник. Завтра надо будет узнать адрес матери Паши Сотникова.

Что-то внутри неё — то, что она считала давно умершим, — вдруг шевельнулось.

Любопытство.

Или, может быть, совесть.

Ночью ей снился накрытый стол. Белая скатерть, свечи, хрусталь. И банка чёрной икры — в центре, как главное блюдо. За столом сидели люди. Мать Паши — измождённая женщина с больничным браслетом на запястье. Сестра Крота — Елена, которую Вера никогда не видела, но во сне узнала сразу. И кто-то ещё — силуэт, лица не разобрать. «Угощайтесь», — сказала Вера во сне. Но никто не притронулся. Все ждали чего-то. Или кого-то.

Она проснулась в четыре утра. На тумбочке горел экран телефона. Сообщение от Елены: «Я буду в палате в 10:30. Я привезу телефон. Спасибо, что согласились».

Вера откинулась на подушку и долго смотрела в потолок,

на котором дрожали тени от веток за окном. Дело, которого нет. Мёртвый подзащитный. Сестра с дрожащим голосом. Телефон с «таким, что всё перевернёт». И банка чёрной икры в холодильнике — тоже символ. Только чего — она пока не поняла.

Она знала этот зуд. Она помнила его с тех времён, когда ещё была следователем. Так начинаются дела, которые не дают спать. Так начинаются дела, которые ломают карьеры.

Так начинаются дела, которые нельзя выиграть — но нельзя и бросить.

Глава 2. Чужой среди своих.

Панихида была обставлена с тем безупречным вкусом, который стоит больших денег, но призван казаться сдержанным и почти аскетичным.

Белые лилии. Никаких венков с аляповатыми лентами — только живые цветы, которые доставили утром из Голландии и расставили вдоль стен ритуального зала в простых стеклянных вазах. Приглушённый свет. Струнный квартет, играющий что-то из Рахманинова — Вера не разбиралась, но звучало пронзительно и чисто, как и полагается на похоронах человека, который при жизни строил больницы и помогал детишкам.

Георгий Воронов лежал в закрытом гробу. Это Вера отметила сразу, едва переступив порог. Закрытый гроб — значит,

тело сильно пострадало. Значит, били много. Значит — убивали не просто так, а с особой жестокостью. Либо не хотели, чтобы гости видели результаты работы судмедэкспертов, которые, возможно, были не так аккуратны, как следовало бы.

Она пришла без приглашения. Строго говоря, её никто не звал. Но в адвокатской палате ей выдали удостоверение и сухо пояснили: «Поскольку вы представляете интересы обвиняемого, вы имеете право присутствовать на всех мероприятиях, связанных с делом». Формально панихида по убитому таковым мероприятием являлась. Фактически — Вера просто хотела увидеть этих людей своими глазами.

Скорбящая вдова, которую показывали по всем каналам. Деловые партнёры, которые, по слухам, не поделили с Вороновым какой-то актив за месяц до его смерти. Прокурор Красовский, который, если верить слухам, лично курировал расследование и поставил рекорд скорости раскрытия. И конечно — сам воздух этого мира, мира больших денег и большой лжи, в который Вера когда-то почти вошла, но споткнулась о собственные принципы и вылетела кубарем.

Теперь она стояла в углу, у колонны, и смотрела. Смотрела и запоминала.

Вдова была хороша.

Алина Воронова, сорок лет, но выглядит на тридцать пять — стараниями косметологов, диетологов и личного тренера по пилатесу, которого, по слухам, выписывали из Швейца-

рии. Чёрное платье. Жемчужная нитка — настоящий жемчуг, крупный, розоватый, явно фамильная ценность. Лицо спокойное, почти безмятежное, лишь в уголках глаз застыла та особая, тщательно дозированная скорбь, которую транслируют вдовы олигархов на публичных мероприятиях.

Она стояла у гроба, принимая соболезнования. Рукопожатия, поцелуи в щёку, траурные объятия. Ритуал, отточенный до автоматизма. Когда к ней подходил очередной гость, она чуть приподнимала брови, обозначая печаль, и тихо произносила: «Спасибо, что пришли. Георгий вас очень ценил».

Георгий вас очень ценил. Одну и ту же фразу — десять, двадцать, тридцать раз. Словно пластинку заело.

Вера поймала себя на мысли, что не верит ей. Не верит этому жемчугу, этому спокойному лицу, этим отрепетированным словам. Она слишком долго работала с жертвами и слишком хорошо знала, как выглядит настоящее горе. Настоящее горе — оно некрасивое. У него опухшие глаза и красный нос. У него дрожащие руки и сбивчивая речь. У него нет места для жемчуга и пилатеса.

— Кто это? — услышала она шёпот за спиной.

— Адвокатша. От того бомжа. Ну, который убил.

— И что она здесь делает? Совесть потеряли совсем...

Вера не обернулась. Она привыкла. За годы работы с «неудобными» подзащитными она научилась не слышать такие реплики — точнее, слышать, но пропускать мимо, как шум дождя за окном. Вода и вода.

Зато она заметила другое.

В дальнем углу зала, у выхода, стоял человек. Лет пятидесяти, седоватый, в дорогом, но мешковато сидящем костюме — такие носят люди, которые могут себе позволить всё, но не хотят тратить время на портных. Он не подходил к вдове. Не общался ни с кем из гостей. Он просто стоял и смотрел — на гроб, на цветы, на Алину. И выражение его лица было... странным. Не скорбным. Не деловым. Скорее — оценивающим. Как смотрят на шахматную доску, просчитывая следующий ход.

Вера достала телефон и сделала вид, что проверяет сообщения. На самом деле она сфотографировала незнакомца — быстро, незаметно, одним движением пальца.

— Разрешите?

Она вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял прокурор Красовский собственной персоной.

Она узнала его сразу — по фотографиям из прессы, по репортажам с громких процессов, по этому особенному, холёному лицу человека, который привык выигрывать. Красовский был высок, широкоплеч, с седыми висками и тяжёлым подбородком, который придавал его лицу выражение властной уверенности. От него пахло дорогим одеколоном и чем-то ещё — может быть, сознанием собственной значимости.

— Прокурор Красовский, — представился он, хотя в этом не было нужды. — А вы, полагаю, Вера Аверина? Адвокат Горелова?

— Адвокат по назначению, — поправила она. — Формальный представитель.

— О, не скромничайте. — Красовский улыбнулся. Улыбка была открытая, почти дружелюбная. — Я слышал о вас. Говорят, вы беретесь за самые безнадежные дела. И выигрываете. Ну, или почти выигрываете.

— Кто же вам такое говорит?

— Слухами земля полнится. — Он взял с подноса проходящего официанта бокал с минеральной водой — никакого шампанского, панихида всё-таки. — Как вам дело? Уже ознакомились с материалами?

— Пока поверхностно, — осторожно ответила Вера. — Завтра получу полный доступ.

— Ну-ну. — Красовский сделал глоток, глядя на неё поверх бокала. — Дело, прямо скажем, простое. Улики, свидетели, всё на поверхности. Ваш подзащитный, уж простите за прямоту, был пойман с поличным. Соседи видели, как он выбегал из дома Воронова. На одежде — кровь жертвы. В вещах — драгоценности из сейфа. Сопротивление при задержании. Трагическая, но предсказуемая развязка.

— Да, я читала, — сказала Вера. — Всё очень гладко.

— Что значит «гладко»?

— Слишком гладко, — она позволила себе лёгкую улыбку. — В моей практике, уважаемый господин прокурор, идеальные дела встречаются только в учебниках. В жизни всегда есть шероховатости. А здесь их нет. Будто кто-то специ-

ально постарался.

Красовский перестал улыбаться. Всего на секунду — но Вера заметила. Заметила, как дрогнул уголок рта, как чуть сузились зрачки. Опытный игрок, он тут же вернул лицу прежнее выражение, но было поздно.

— Что ж, — сказал он, ставя бокал на поднос, — желаю вам удачи в поиске шероховатостей. Только, боюсь, вы их не найдёте.

— Почему же?

— Потому что их нет, — он наклонился чуть ближе. — Ваш подзащитный убил хорошего человека. Хорошего, понимаете? Воронов строил больницы. Помогал детям. Он был меценатом, филантропом, совестью этого города. А ваш Горелов... простите, но кто он такой? Бомж. Алкоголик. Человек без определённого места жительства и без определённой цели в жизни. И вот он убивает — жестоко, хладнокровно — того, кто приносил пользу. И вы хотите найти в этом деле «шероховатости»?

— Я хочу, — медленно сказала Вера, — чтобы правосудие было правосудием. А не мезтью. И не пиаром.

Красовский посмотрел на неё долгим взглядом. В этом взгляде читалось многое: и раздражение, и любопытство, и что-то похожее на уважение. А может, и угроза — завуалированная, но вполне ощутимая.

— Знаете, Аверина, — сказал он наконец, — мне рассказывали про вас. Про то, как вы шесть лет назад пытались по-

садить замминистра. Про то, как вас уволили. Про то, как вы с тех пор перебиваетесь мелкими делами. И знаете, что я думаю?

— Что же?

— Что вы до сих пор не поняли главного. Правосудие — это не абстрактная идея. Это система. А у системы есть свои правила. И если вы пытаетесь играть против системы — вы проигрываете. Всегда. Шесть лет назад вы проиграли. Проигрываете и сейчас.

Он улыбнулся — на этот раз холодно, почти высокомерно — и отошёл, оставив Веру одну у колонны.

Она стояла и смотрела ему вслед. Сердце колотилось где-то в горле, но лицо оставалось спокойным. Она научилась этому — не показывать страх. Даже когда страшно.

— Извините.

Вера обернулась. Перед ней стояла та самая вдова — Алина Воронова. Вблизи она казалась старше: у глаз — сеточка морщин, которую не мог скрыть даже самый искусный макияж, на шее — едва заметная пульсирующая жилка. Она нервничала. Очень нервничала, хотя и пыталась это скрыть.

— Вы адвокат? — спросила Алина. — Того человека? Который...

— Да, — сказала Вера.

— Я хочу, чтобы вы знали. — Алина говорила тихо, почти шёпотом, но очень быстро. — Я не держу зла. На вашего

подзащитного. Бог ему судья. Я просто хочу, чтобы всё это закончилось. Понимаете? Закончилось — и всё.

— Понимаю.

— Мне не нужна месть. Мне нужен покой. — Она сжала сумочку так, что побелели костяшки пальцев. — Георгий был сложным человеком. Очень сложным. Но он не заслужил такой смерти. А я не заслужила всего этого... внимания. Журналисты, полиция, вопросы, вопросы, вопросы. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое. Вы ведь не будете... затягивать процесс?

— Процесс о посмертной реабилитации — это формальность, — сказала Вера. — Он не должен занять много времени.

— Вот и хорошо. — Алина кивнула. — Вот и отлично.

Она уже повернулась, чтобы уйти, но Вера неожиданно для самой себя спросила:

— Скажите, а ваш муж — он в последнее время не казался встревоженным? Не говорил о каких-то проблемах? О людях, которые ему угрожали?

Алина замерла. На секунду — буквально на секунду — её лицо стало беспомощным, почти детским. Но она тут же взяла себя в руки.

— Нет, — сказала она сухо. — Ничего такого. Георгий был совершенно спокоен. Абсолютно. Извините, меня ждут.

И ушла — быстрым шагом, чуть покачиваясь на высоких каблуках. Вера проводила её взглядом. «Абсолютно споко-

ен». Вдова убитого бизнесмена, чей муж был жестоко зарезан в собственном доме, утверждает, что он был «абсолютно спокоен» в последние дни перед смертью. Либо она ничего не знала о его делах — либо знала, но не хочет говорить.

Что-то здесь было не так. Что-то не складывалось.

Остаток панихиды прошёл как в тумане. Вера стояла у колонны и запоминала лица. Вот деловой партнёр Воронова — толстый, лысеющий, с потными ладонями, которые он то и дело вытирал о пиджак. Вот его личный водитель — молодой парень с бегающими глазами, который не плакал, но и не улыбался. Вот женщина в чёрном — кажется, сестра Воронова, которую Вера видела на фотографиях в прессе. У неё были заплаканные глаза, и она единственная во всём зале выглядела так, словно действительно скорбит.

И вот тот самый седоватый мужчина в мешковатом костюме. Он ушёл раньше всех — сразу после разговора Веры с Красовским. Словно услышал что-то важное и решил не задерживаться.

Когда панихида закончилась, и гости потянулись к выходу, Вера задержалась. Она подошла к гробу — на минуту, просто постоять. Закрытая крышка. Белые лилии. Фотография в рамке — Георгий Воронов, улыбающийся, в дорогом костюме, на фоне какой-то построенной им больницы. Красивое лицо. Волевое. Лицо человека, который привык добиваться своего.

Что ты скрывал, Георгий Воронов? О чём молчал? И кому твоя смерть была выгодна настолько, чтобы подставить бездомного?

Она не знала ответов. Но собиралась узнать.

В морге было холодно.

Не просто холодно — ледяной, пронизывающий до костей холод, который, кажется, просачивался сквозь одежду, сквозь кожу, пробирался прямо в душу. Вера поёжилась и поплотнее запахнула жакет, хотя это мало помогало.

— Горелова? — патологоанатом, пожилой мужчина с усталым лицом и пятнами какого-то реактива на халате, полистал журнал. — Да, был такой. Поступил четвёртого числа. Вскрытие проводили пятого. Тело не востребовано.

— Как — не востребовано? — Вера нахмурилась. — У него есть сестра. Елена Горелова. Она должна была...

— Никто не обращался, — перебил патологоанатом равнодушно. — Может, не знает. Может, денег нет. А может, просто боится. Сейчас многие боятся. Времена такие.

— Где он сейчас?

— В холодильнике. Где же ещё. Третий ярус, секция «В». Если сестра объявится — пусть приходит с документами. Мы храним невостребованные тела месяц. Потом — кремация за счёт государства.

Вера сжала зубы. Кремация за счёт государства. Безымянная урна в общей могиле. Вот что ждало Семёна Горелова

по кличке Крот. Человека, которого убили при задержании. Человека, которого обвинили в убийстве. Человека, за которого теперь никто не хочет вступаться.

Кроме сестры с дрожащим голосом.

И кроме неё, Веры Авериной — адвоката по назначению, специалиста по мёртвым подзащитным.

— Я организую, — сказала она. — Я позвоню сестре. Она заберёт тело.

— Ну-ну, — патологоанатом пожал плечами. — Дело ваше.

Вера вышла из морга на свежий воздух, и октябрьский ветер ударил в лицо, как пощёчина. Она жадно вдохнула — холодный, пахнувший прелой листвой воздух показался ей самым вкусным на свете. После морга всегда так. После морга любой воздух кажется живым.

Телефон завибрировал. Сообщение от Елены: «Я на месте. Жду вас».

Вера вызвала такси и поехала в адвокатскую палату.

Елена Горелова оказалась не такой, какой Вера её представляла.

Она думала — увидит забитую, затравленную женщину в дешёвой одежде, с испуганными глазами и вечной готовностью извиняться за собственное существование. Такие часто приходят к адвокатам по назначению — родственники тех, у кого нет денег на нормальную защиту.

Но Елена была другой.

Да, одежда на ней была скромная — тёмное пальто, явно купленное в секонд-хенде, старенькие сапоги, платок на голове. Но держалась она с неожиданным достоинством. Спина прямая. Взгляд — прямой, хоть и заплаканный. Руки не дрожат. Голос тихий, но твёрдый.

— Спасибо, что согласились встретиться, — сказала она, когда они сели в пустом зале ожидания. — Я знаю, у вас таких дел — десятки. Я знаю, что мой брат для всех — просто бомж, просто преступник, просто отработанный материал. Но для меня он был Сёмой. Старшим братом. Единственным родным человеком на свете.

— Расскажите о нём, — попросила Вера.

И Елена рассказала.

Семён Горелов когда-то был программистом. Хорошим программистом — одним из тех, кого называют «гениями в своей области». Он работал на крупную IT-компанию, писал сложные алгоритмы, получал приличные деньги. Жена, квартира в ипотеку, планы на будущее. Всё как у людей.

А потом — что-то случилось. Елена не знала, что именно. Семён никогда не рассказывал подробностей. Он вдруг уволился, продал квартиру, развёлся с женой. И ушёл. Просто ушёл — на улицу. Сказал: «Я не могу больше жить в их мире. Я не хочу быть частью их системы».

— Он говорил загадками, — Елена теребила в руках старенький телефон — тот самый, который она привезла для

Веры. — Я не понимала. Думала — кризис среднего возраста, депрессия, пройдёт. А оно не прошло. Он так и остался жить на улице. Пил, конечно. Без этого там нельзя. Но никогда не воровал. Никогда не дрался. Он был... как ребёнок. Большой ребёнок, который обиделся на весь мир и ушёл в свою песочницу.

— У него была мечта? — спросила Вера.

— Что? — Елена подняла глаза.

— Ну, мечта. Что-то, чего он хотел. О чём говорил.

Елена задумалась.

— Он хотел уехать, — сказала она наконец. — Домой. Так он это называл — «домой». Хотя дома у него не было. Он говорил, что однажды накопит на билет и уедет в маленький городок у моря. Купит там домик. Заведёт собаку. Будет жить тихо, никого не трогая. Он часто рисовал этот городок в своем блокноте. Улицы, дома, маяк на берегу. Он говорил: «Там я родился заново. Там я снова стану человеком».

— «Родился заново», — повторила Вера. — Он так говорил?

— Да. А что?

— Ничего. — Вера покачала головой. — Просто запомнила. Расскажите ещё.

Но рассказывать было почти нечего. Последние годы Семён жил на улице — зимовал в коллекторах, летом ночевал в парках. Иногда звонил Елене — с чужих номеров, раз в несколько месяцев. Говорил, что у него всё хорошо. Просил

не волноваться. А три недели назад позвонил в последний раз. Сказал: «Лена, если со мной что-то случится — не верь тому, что скажут. Ищи правду. Она на старом месте».

— И всё?

— Всё. Больше я его не слышала. А через неделю — полиция. «Ваш брат убит при задержании. Он подозревался в убийстве бизнесмена Воронова». Я не поверила. Я до сих пор не верю.

Елена протянула Вере телефон — старый, потёртый «Самсунг» с треснутым экраном.

— Здесь его записи. Я посмотрела — там какой-то дневник, видео, заметки. Я не всё поняла. Но там есть такое... такое, что вы должны увидеть.

Вера взяла телефон. Он был лёгкий, почти невесомый. Экран мигнул и загорелся.

— Я посмотрю, — сказала она. — Обещаю.

— И ещё. — Елена полезла в сумку и достала сложенный вчетверо лист бумаги. — Вот. Это он рисовал. Я нашла у него в вещах. Может, пригодится.

Вера развернула лист. На нём был рисунок — неумелый, но старательный: маленький домик на берегу, маяк, деревья. И подпись печатными буквами: «МОЙ ДОМ».

И ниже — ещё одна надпись, помельче: «Здесь я родился заново».

— Спасибо, — сказала Вера. — Это важно.

Она сложила рисунок и убрала в папку. Елена смотрела на

неё с надеждой — той самой, робкой, детской, которая так редко оправдывается.

— Вы найдёте правду? — спросила она.

— Я постараюсь.

— Этого достаточно. — Елена встала. — Я пойду. Мне ещё в морг — нужно забрать тело. Спасибо вам. Правда, спасибо.

Она ушла — прямая, с достоинством, не оглядываясь. А Вера осталась сидеть в пустом зале, сжимая в руке телефон мертвеца.

Дело, которого нет. Мёртвый подзащитный. Вдова, которая не скорбит. Прокурор, который угрожает. Сестра, которая верит. И телефон — старый, потёртый, с треснутым экраном, в котором, возможно, спрятана правда.

Она включила телефон. На экране высветилась галерея. Десятки фотографий, заметок, и один видеофайл — последний, датированный днём смерти Семёна Горелова.

Вера нажала «воспроизвести».

И услышала голос мёртвого человека.

Глава 3. Исповедь под землёй.

Ночь опустилась на город, как медленное, неотвратимое наводнение. Сначала — сумерки, серые и промозглые. Потом — темнота, густая, почти осязаемая, какая бывает только в октябре, когда небо затянуто тучами, а фонари горят

тускло и словно нехотя.

Вера сидела на кухне. Четвёртый час ночи. Сна не было ни в одном глазу.

Телефон Крота лежал перед ней на столе — старый, потёртый «Самсунг» с треснутым экраном, который она покрутила в руках, разглядывая так и сяк. Аккумулятор держал еле-еле — тридцать два процента, и зарядка шла медленно, через старый провод, который Вера нашла в ящике с хламом. Пришлось подпереть штекер книжкой, чтобы контакт не отходил. Телефон, как и его хозяин, не хотел сдаваться просто так.

Вера сделала глоток чая. Чай был уже холодный — она заварила его час назад и забыла. На столе лежали материалы дела — тонкая папка, которую ей выдали в адвокатской палате. Слишком тонкая для дела об убийстве. Обычно такие дела — тома, подшивки, сотни страниц протоколов, экспертиз, допросов. А здесь — тридцать две страницы. Тридцать две страницы на убийство человека.

Она уже прочитала их все. Дважды.

Показания соседей — трое свидетелей, которые якобы видели, как «подозрительный мужчина без определённого места жительства» выбегал из дома Воронова около полуночи. Вера мысленно отметила: «якобы». Соседи — пожилая пара из коттеджа напротив и их взрослый сын, гостивший у родителей. Все трое дали практически идентичные показания. Словно сговорились. Или им помогли.

Опись изъятого: золотые запонки, часы «Патек Филип», наличные — около пяти тысяч долларов. Все это нашли в рюкзаке Горелова при задержании. И ни слова о флешке. Ни слова о чёрном пакете, который Крот, если верить его предсмертной записи, должен был забрать из сейфа.

Протокол задержания: подозреваемый оказал сопротивление, напал на сотрудника полиции, был ранен из табельного оружия, скончался до прибытия скорой помощи. Всё чисто, всё по протоколу. Подписи, печати, номера жетонов.

Вера перечитала этот абзац трижды. Сопротивление. Нападение. Ранение. Смерть. Четыре слова, за которыми — жизнь человека. Вернее, смерть.

Она знала эту формулу. Знал её любой, кто работал в системе. «Оказал сопротивление при задержании» — стандартная формулировка, которая покрывает всё: от случайного выстрела до откровенной казни. Полицейский — он же на службе, он же при исполнении. Он всегда прав. Особенно если убитый — бомж.

Она отложила папку и потёрла глаза. Усталость наваливалась свинцовой тяжестью, но останавливаться было нельзя. Где-то глубоко внутри уже зудело то самое чувство — предчувствие большой и опасной правды, которое она помнила со времён работы следователем. Оно начиналось всегда одинаково: с мелких нестыковок, с деталей, которые не складывались, с вопросов, на которые не было ответов.

Почему опись изъятого такая короткая?

Почему не проверили сейф до конца?

Почему соседи дали идентичные показания слово в слово, включая одинаковые обороты речи?

И главное — почему дело закрыли так быстро? Убийство известного бизнесмена — это вам не кража кежучи из супермаркета. Такие дела расследуют месяцами. А здесь — три дня, и готово. Подозреваемый найден, убит, дело в архиве.

Она взяла телефон Крота. Экран мигнул, запрашивая пароль.

— Чёрт, — прошептала Вера.

Пароль. Вот чего она не учла. Телефон заблокирован, а сестра не знала пароля. Или забыла сказать. Она перевернула телефон, осмотрела заднюю крышку — нет ли где наклейки с паролем? Глупо, конечно. Но люди часто записывают пароли на бумажках и прячут под чехол.

Ничего.

Она попробовала стандартные комбинации. 0000. 1234. 1111. Неправильно. Она ввела год рождения Крота, который нашла в материалах дела — 1978. Неправильно. Имя сестры в цифровом коде? Она не знала, как зовут Елену полностью. Попробовала «Лена» — 4626. Мимо.

Телефон показал предупреждение: осталось три попытки.

Вера отложила его в сторону, чтобы не заблокировать окончательно. Встала, прошлась по кухне. Чайник капнул на

пол — она не заметила. Мысли крутились вокруг пароля. Что мог выбрать Крот? Бездомный, бывший программист, человек, который ушёл из системы, но сохранил привычку к цифровым замкам. Что для него было важно?

«Родился заново».

Эта фраза из дневника. Из рисунка, который дала Елена. Из метафоры, которую он повторял снова и снова.

Она взяла рисунок, который ей отдала Елена — домик у моря, маяк, деревья. И подпись печатными буквами: «МОЙ ДОМ».

Вера перевернула лист. На обороте — ничего. Поднесла к лампе — может, водяные знаки? Ничего.

И тут её осенило.

Она снова взяла телефон. Ввела: 0000. Слишком просто. 1111. Тоже. Она задумалась и набрала дату — первое января. 0101. Неправильно.

Осталось две попытки.

Что такое «родился заново»? Когда человек умирает для старой жизни и начинает новую? Должна быть дата. День, когда он ушёл из дома, уволился с работы, бросил всё. Но этой даты Вера не знала.

Она открыла материалы дела. Так, что тут у нас? Биография Горелова Семёна Ильича. Родился в 1978 году в городе Энске. Образование высшее — Московский институт электронной техники. Работал в компании «Киберком» с 2005 по 2015 год. Уволен по собственному желанию.

2015 год. Он ушёл из компании в 2015-м. Это могло быть началом его «новой жизни». Но точной даты в деле не было.

Вера полезла в интернет. «Киберком», 2015 год, увольнение. Поисковик выдал несколько ссылок — в основном новости о реорганизации компании. А потом — короткую заметку в деловом издании: «"Киберком" объявляет о смене руководства. 15 марта 2015 года пост генерального директора покидает...»

15 марта.

Она схватила телефон. 1503. Неправильно. 0315. Неправильно.

Осталась одна попытка. Дальше — блокировка. И все данные, весь дневник, всё видео — станут недоступны.

Вера закрыла глаза. Дыши, сказала она себе. Дыши и дымай. Ты — он. Ты — бывший программист, который ушёл из компании, из дома, из жизни. Ты хочешь переродиться. Какой пароль ты выберешь?

Не дату. Даты — это прошлое. А он хотел будущего. Он хотел домой. Он рисовал дом. Он писал про дом.

Дом.

Она открыла рисунок. «МОЙ ДОМ». И вторая надпись, помельче — «Здесь я родился заново».

Дом. Home.

Вера посмотрела на клавиатуру телефона. Цифры. Не буквы — цифры. Как зашифровать слово «дом» в цифрах? Старая система Т9, где каждой букве соответствует цифра. Д —

3. О — 6. М — 5. 365.

Но пароль — четыре цифры. Она задумалась. Может, он добавил что-то ещё? ДОМ — три буквы. ДОМА — четыре. Д — 3, О — 6, М — 5, А — 2.

3652.

Или, может, по-английски? HOME — 4-6-6-3. 4663.

Осталась одна попытка. Только одна.

Вера вдохнула и ввела: 4663.

Телефон дрогнул в руке. Экран мигнул.

И разблокировался.

— Господи, — выдохнула она. — Получилось. Получилось!

На несколько секунд она замерла, просто глядя на открывшийся рабочий стол. Обычный андроид, старая версия. Минимум приложений: галерея, заметки, диктофон, камера. Заставка — стандартная, сине-фиолетовая абстракция, которую, кажется, ставили на все бюджетные телефоны в 2016 году.

Крот не менял заставку. Не скачивал приложения. Не наводил порядок. Телефон для него был не украшением — инструментом. Дневником. Исповедальней.

Вера открыла галерею. Десятки фотографий: городские пейзажи, теплотрассы, заброшенные здания, стены с граффити. И много, очень много фотографий одного и того же места — заброшенного завода с высокой трубой. Она пролистала их быстро, отмечая детали. Завод. Пустые цеха. Ржа-

вые станки. Стена с надписью: «Здесь я родился заново».

Вот оно что. Не метафора. Реальное место.

Она открыла заметки. Обрывки мыслей, стихи, списки продуктов, координаты. В основном — короткие, рваные фразы, записанные явно на холоде, дрожащими пальцами. «Купить хлеб. Позвонить Лене. Заплатить за ночлег». И среди всего этого — выделенная жирным шрифтом запись: «ОНИ СЛЕДЯТ. НЕ ДОВЕРЯЙ НИКОМУ».

Кому — «они»? Полиции? Заказчикам? Тем, кто нанял его для кражи?

Она пролистнула дальше. Список имён — несколько фамилий, в основном незнакомых. И одно — подчёркнутое дважды: «КОВАЛЁВ». Денис Ковалёв — связной из мэрии, о котором Крот говорил в своей предсмертной записи. Тот самый, который на следующий день после разговора с Верой «упал с лестницы».

Внутри у неё всё похолодело. Ковалёв был уже не просто именем. Он был покойником номер два. Вторым человеком, который умер после того, как прикоснулся к этому делу.

Она вернулась в галерею и нашла то, что искала — видеофайл. Последний. Датированный днём смерти Крота. Четвёртое октября, 23:47 — примерно за час до предполагаемого убийства Воронова.

Палец завис над кнопкой воспроизведения.

Вера понимала: то, что она сейчас увидит, может всё изменить. Может сделать это дело из формальности — в ре-

альное расследование. Из галочки — в бомбу.

Она нажала «play».

Экран показал темноту. Почти полную — только где-то в углу дрожал слабый источник света, может быть, фонарик или экран другого телефона. Слышался гул — низкий, монотонный, явно подземный. Гул теплотрассы или коллектора.

Человек на видео сидел, привалившись спиной к бетонной стене. Лицо появлялось и исчезало в дрожащем свете — то проявлялось резко, как на допросе, то уходило в тень, превращаясь в смазанный силуэт. Крот. Семён Горелов. Человек без определённого места жительства. Обвиняемый в убийстве. Покойник.

Он был не брит — седая щетина покрывала впалые щёки. Глаза — воспалённые, красные. Губы обветрены, в трещинах. Но говорил он чётко, без запинок — с той особой ясностью, которая приходит к людям, когда они знают, что это их последние слова.

— Меня зовут Семён Ильич Горелов. Я записываю это видео, потому что... потому что, кажется, я не доживу до утра.

Он замолчал, облизал губы. Посмотрел куда-то в сторону — словно ожидал, что кто-то войдёт.

— Если вы это смотрите — значит, меня уже нет. Значит, они меня нашли. Значит, всё кончено. Но я хочу, чтобы вы знали правду. Я не убивал.

Пауза. Он закашлялся — сухо, надсадно.

— Меня наняли. Человек из мэрии — его зовут Денис Ко-

валёв. Он вышел на меня через общих знакомых, сказал, что есть работа. Чистая работа. Никакого криминала — просто забрать одну вещь из дома бизнесмена Воронова. Маленький чёрный пакет. Он сказал, что это документы, которые Воронов хранит незаконно. Что это, мол, для журналистского расследования. Что я буду помогать правде.

Крот усмехнулся — криво, горько.

— Правда. Как будто я не знаю, что правда никому не нужна. Но деньги были хорошие. Очень хорошие. Пятьдесят тысяч рублей. Я подумал — может, это шанс. Может, наконец-то куплю билет. Уеду отсюда. Домой.

Он снова замолчал. Провёл рукой по лицу.

— Я пришёл в дом Воронова в полночь. Заказчик сказал, что сигнализация будет отключена, дверь чёрного хода открыта. И это было правдой — сигнализация не работала, дверь была не заперта. Я вошёл. Прошёл через кухню. И тут... — Он запнулся. — Тут я увидел его. Воронова. Он лежал на полу в гостиной. В луже крови. Мёртвый.

Вера почувствовала, как волосы зашевелились на затылке. Она подалась вперёд, вглядываясь в дрожащий экран.

— Понимаете? — голос Крота сорвался. — Он уже был мёртв. Уже. Кто-то убил его до меня. Я не знаю, кто. Я не знаю, почему. Я просто стоял и смотрел на него. На этого человека, которого я никогда не знал. Который был живым — и вдруг стал мёртвым.

Он замолчал. Слышно было только дыхание — частое,

сбивчивое.

— Я должен был бежать. Должен был. Но я вспомнил про сейф. Про пакет. Ковалёв сказал, что это очень важно — важнее всего. Что если я не принесу пакет, денег не будет. А мне нужны были деньги. Господи, как мне нужны были деньги... Я пошёл в кабинет. Сейф был открыт. Я взял пакет. И тут услышал шум — кто-то входил в дом. Я выбежал через чёрный ход. Меня, наверное, видели. Но я не убивал. Клянись. Я не убивал.

Он поднёс телефон ближе к лицу. Теперь Вера видела каждую морщину, каждую пору.

— Самое страшное — не это. Самое страшное — то, что было в пакете. Я открыл его потом, в подвале. Там была флешка. И когда я посмотрел, что на ней... — Он покачал головой. — Я понял, что меня подставили. Это не документы. Это компромат. На очень серьёзных людей. На прокурора Красовского. На нескольких чиновников. На самого Воронова. Там схемы откатов, взятки, незаконные сделки. Воронов, оказывается, собирался всё это слить. Хотел сдать подельников. И за это его убрали. А меня сделали козлом отпущения.

Он замолчал. Где-то вдалеке послышался звук — глухой металлический стук. Эхо шагов? Крот обернулся, вглядываясь в темноту.

— Я спрятал флешку, — зашептал он. — В тайнике. Там, где родился заново. Вы знаете это место. Вы найдёте. Там,

под стеной с надписью, в щели между плитами. Я заклеил её скотчем, чтобы не было видно. Если вы это смотрите — найдите флешку. Там правда. Там всё.

Снова шум — уже ближе. Крот вздрогнул. Лицо его искалось страхом.

— Мне надо идти. Они, кажется, нашли меня. Если я не выйду на связь завтра — значит, всё. Прощайте. И простите меня. Я просто хотел домой.

Он потянулся к экрану, и изображение погасло. Последний кадр — его глаза, полные ужаса. Не злости. Не агрессии. Просто животного, невыносимого ужаса.

Конец записи.

Вера сидела неподвижно. В комнате было тихо — только холодильник гудел на кухне, да ветер шуршал сухими листьями за окном. Четвёртый час утра. Город спал. Где-то далеко, наверное, пела пьяная компания, возвращаясь из бара. Где-то, возможно, так же не спала Елена Горелова, думая о брате. А Вера сидела и смотрела в погасший экран, переваривая услышанное.

Итак.

Крот не убивал. Он вошёл в дом, когда Воронов был уже мёртв. Его наняли — специально, целенаправленно. Чтобы сделать крайним. Чтобы у полиции был готовый подозреваемый. Чтобы закрыть дело в три дня и забыть.

Но кто убил? Заказчик Ковалёва? Сам Ковалёв? Или кто-

то выше — тот, на кого работал Ковалёв?

Флешка. Там компромат на Красовского. Неудивительно, что прокурор так старательно намекал ей на бессмысленность расследования. Неудивительно, что дело закрыли с такой скоростью. Неудивительно, что Ковалёв мёртв.

И флешка всё ещё там. В тайнике. На заброшенном заводе. Под стеной с надписью «Здесь я родился заново».

Вера встала. Подошла к окну. За окном — ночь, октябрь, пустой двор. Где-то далеко, на горизонте, мигала красная лампочка на вышке сотовой связи. Ритмично, как сердце. Как доказательство того, что мир ещё жив.

Что ей делать?

Вариант первый — забыть всё, что она увидела. Подписать бумаги о посмертной реабилитации, получить свой копеечный гонорар и вернуться к делам о краже шоколадок. Формальность соблюдена, система довольна, Вера в безопасности.

Вариант второй — найти флешку. Поднять компромат. Взорвать это дело изнутри.

Вариант первый был разумным.

Вариант второй был смертельно опасным.

Вера Аверина не была героиней. Она была уставшей женщиной тридцати пяти лет, с потухшими глазами и привычкой пить вино по вечерам. У неё не было союзников. Не было ресурсов. Не было ничего, кроме старой папки с матери-

алами дела и телефона мёртвого человека.

Но где-то там, на заброшенном заводе, под бетонной плитой, лежала флешка. Флешка, которая могла изменить всё. Флешка, за которую уже убили двоих.

И ещё — где-то там, в этом же городе, лежала в больнице мать Паши Сотникова. Женщина, которая никогда не пробовала чёрной икры. Женщина, которую сын хотел порадовать — глупо, нелепо, отчаянно. И Вера вдруг подумала: а ведь Крот тоже хотел просто домой. Просто купить билет. Просто начать новую жизнь. И ему не дали.

Скольким ещё не дадут?

Она закрыла глаза. А когда открыла — решение было принято. Давно. Ещё до того, как она нажала кнопку воспроизведения. Ещё до того, как она услышала голос мёртвого человека. Может быть, даже до того, как она купила эту дурацкую банку икры в «Пятёрочке».

Она не могла остановиться. Не сейчас.

Вера взяла телефон, набрала номер.

— Алло? — сонный голос в трубке. — Вы знаете, который час?

— Князев, — сказала она. — Ты как-то говорил, что у тебя есть знакомый в службе безопасности «Киберкома». Мне нужна информация.

— Вера, четыре утра.

— Я знаю. Информация нужна срочно.

Пауза. Князев вздохнул.

— Что именно?

— Мне нужно знать, почему Семён Горелов уволился из компании в марте 2015 года. Вся подноготная. Все слухи. Всё, что известно. И ещё — что связывало «Киберком» с Георгием Вороновым.

— Это не телефонный разговор.

— Завтра. Кофе. В семь утра. У «Сударя».

— Ты с ума сошла.

— Возможно, — сказала Вера. — Но ты ведь всегда говорил, что я сумасшедшая. Пора соответствовать репутации.

Она сбросила звонок и снова посмотрела на телефон Крота. Экран погас, экономя заряд. Она коснулась его пальцем — и он загорелся снова. На заставке — стандартная абстракция. На рабочем столе — иконка галереи, где лежит видео с последними словами мёртвого человека. Иконка заметок, где написано «ОНИ СЛЕДЯТ». Иконка карт, где отмечено место с надписью «Здесь я родился заново».

Вера открыла карты. Увеличила масштаб. Заброшенный завод на окраине города. Двадцать минут на такси. Можно успеть до рассвета.

Она надела куртку, сунула телефон Крота в карман и вышла в ночь.

Глава 4. Первый камешек.

Утро началось с тишины.

Той особенной, неестественной тишины, которая наступает перед бурей — когда даже птицы замолкают, а воздух становится густым и вязким, как патока. Вера стояла у окна в кофейне «Сударь» и смотрела на просыпающийся город. Семь утра. Октябрьское солнце ещё только пыталось пробиться сквозь серую пелену облаков, окрашивая небо в бледно-розовый, почти болезненный цвет. Улицы были пусты, если не считать дворника, лениво сгребавшего листья в кучу у входа в метро, да пары голубей, которые деловито исследовали перевёрнутый стаканчик из-под кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.